

Текст: Семен Эштут, доктор философских наук

«БЛОНДИНИСТЫЙ, ПОЧТИ БЕЛЕСЫЙ...»

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СБОРНИК ЗАБЫТЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О ПУШКИНЕ
ВОЗВРАЩАЕТ НАМ НЕПРИУКРАШЕННЫЙ ОБЛИК ПОЭТА

*Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.*

Сергей Есенин
1924 год

Л

Литература о «нашем всё» подавляет своей устрашающей необъятностью. Кажется, что имена всех пушкинских современников, оставивших пусть даже очень краткие свидетельства о мимолетных встречах с поэтом, выявлены, а их записки давно введены в активный научный оборот. Впору подумать о принципиальной невозможности приращения нового знания о Пушкине за счет пополнения мемуарной пушкинианы.

Книга «Пушкин в забытых воспоминаниях современников», выпущенная петербургским издательством «Дмитрий Буланин» в 2020 году тиражом 300 экземпляров, легко опровергает подобное заблуждение, укоренившееся в умах даже очень образованных почитателей поэта. В книгу вошло более пятидесяти мемуарных текстов, из которых лишь незначительная часть перепечатывалась ранее в разнообразных сборниках о поэте.

«Бойтесь пушкинистов»: вместо эпитафии

Почему бесценные для Истории мемуары современников так долго оставались под спудом? Желая отыскать ответ на этот резонный вопрос, внимательно читая познавательную документальную книгу, я вспомнил одно в свое время очень популярное, а ныне забытое художественное произведение, вышедшее в свет спустя два десятилетия после смерти Пушкина. В романе Алексея Феофилактовича Писемского «Тысяча душ» (1858) имя поэта упоминается 16 раз, причем один из персонажей князь Иван Раменский утверждает, что встречался с Пушкиным в Петербурге, Молдавии и Одессе и даже знал одну даму, в которую тот был влюблен.

«С Пушкиным, ваше сиятельство, вероятно, ждали быть знакомы? — начал Калинович.

— Даже очень. Мы почти вместе росли, вместе стали выезжать молодыми людьми в свет: я — гвардейским прапорщиком, а он, кажется, служил тогда в Иностранной Коллегии... *C'était un homme de génie...* (Это был гений...) в полном смысле этих слов. Он, Баратынский, Зельвинг, Павел Нащокин — а этот даже служил со мной в одном полку, — все это были молодые люди одного кружка»¹.

Слова князя не противоречат историче-

ской истине. Павел Воинович Нащокин, закадычный приятель Пушкина, действительно служил в нескольких гвардейских полках: Измайловском, Кавалергардском и лейб-Кирасирском Ее Императорского Величества.

Однако автор романа не только не скрывает неприязни к развратнику, авантюристу и казнокраду князю Раменскому, но и подвергает сомнению истинность слов, которые по своей воле и фантазии вложил в уста литературного персонажа. Писемский целенаправленно и настойчиво внедряет в сознание читателей мысль, что князь Раменский, поведав гостям о своих встречах с поэтом, стремился лишь к одному: «намекнуть и на свое знакомство с Пушкиным, великим поэтом и человеком хорошего круга, — Пушкиным, которому, как известно, в дружбу напрашивались после его смерти не только люди совершенно ему неизвестные, но даже печатные враги его, в силу той невинной

¹ А. Тербенев. Пушкин. Статуэтка. 1837 год.

² Обложка книги «Пушкин в забытых воспоминаниях современников».

³ С. Эрбер. Петербург. Пушкин и Крылов гуляют по Невскому проспекту. 1897 год.

ВПОРУ ПОДУМАТЬ О ПРИНЦИПАЛЬНОЙ НЕВОЗМОЖНОСТИ ПРИРАЩЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ О ПУШКИНЕ. КНИГА, ВЫПУЩЕННАЯ ТИРАЖОМ 300 ЭКЗЕМПЛЯРОВ, ОПРОВЕРГАЕТ ЭТО ЗАБЛУЖДЕНИЕ

слабости, что всякому маленькому смертному приятно стать поближе к великому человеку и хоть одним лучом его славы осветить себя».

Мы получили ответ на риторический вопрос о причинах существования «забытых» воспоминаний о поэте. Почти все собранные в книге мемуарные тексты вышли из-под пера людей, чье знакомство с Пушкиным было случайным, быстротечным и недолгим. Но их бесхитростные воспоминания о нем сохранили для Истории объемный и пластичный облик живого человека, начисто лишенного «хрестоматийного глянца», наведенного впоследствии. Пушкинисты же, зная о существовании «забытых» воспоминаний современников, десятилетиями их игнорировали и не спешили включить в сборники канонических воспоминаний об Александре Сергеевиче.

Воистину, лучше Владимира Маяковского не скажешь: «Бойтесь пушкинистов!».

«А я, повеса вечно-праздник...»

Тот, кто впервые видел Пушкина — юного поэта, только что выпустившего в свет свою первую поэму, или же живого классика и отца семейства, — перво-наперво обращал внимание на его необычную внешность, сильно приукрашенную прижизненными портретами. «Потомок негров безобразный» — при жизни Александра Сергеевича этот пушкинский стих был не ярким поэтическим образом, но констатацией реального положения дел. «Забытые» воспоминания современников помогают нам уяснить непреложный факт: задолго до рождения импрессионизма как стиля в живописи они зафиксировали на бумаге и сохранили для Истории воистину импрессионистический взгляд на Пушкина — донесли до нас яркость впечатления от первой встречи с человеком, лишь впоследствии ставшим «нашим всё» и удержавшим за собой этот единственный в своем роде титул.

Перелистаем необычную книгу и выищем для наших читателей наиболее красочные свидетельства современников о внешнем облике великого человека.

Историк Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский (1788–1850) был лично знаком как с самим поэтом, так и с его отцом Сергеем Львовичем. Спустя десять лет после смерти Пушкина историк опубликовал в «Словаре достопамятных людей Русской земли» (1847) биографическую справку о гениальном современнике, в которой колоритно живописал его внешний облик.

«Александр Сергеевич Пушкин, среднего роста, худощавый, имел в младенчестве белокурые, курчавые волосы, сделавшиеся потом темно-русскими; глаза светло-голубые; улыбку насмешливую и, вместе, приятную; носил на умном лице отпечаток африканского свое-

АЛЕКСАНДР СЕРЕЕВИЧ ПУШКИН, СРЕДНЕГО РОСТА, ХУДОЩАВЫЙ, ИМЕЛ В МЛАДЕНЧЕСТВЕ БЕЛОКУРЫЕ, КУРЧАВЫЕ ВОЛОСА, СДЕЛАВШИЕСЯ ПОТОМ ТЕМНО-РУСЫМИ...

ДМИТРИЙ БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ

го происхождения, которому соответствовали живость и пылкость характера, раздражительного, но доброго, услужливого, чувствительного. Он, в особенности, отличался большими своими бакенбардами и длинными ногтями, которыми щеголял. Любезность, острый ум, необыкновенная память и заманчивый, веселый рассказ делали его украшением, душою общества»⁴.

Петербургский комический актер, водевиллист и переводчик Петр Андреевич Каратыгин (1805–1879) вспоминает о своей первой встрече с Пушкиным весной 1818 года: на окне подоконнике сидел «кто-то с плоским приплюснутым носом, большими губами и с смуглым лицом мулата. ...Мулат снял с себя парик и начал им махать над своей голой головой... Эта фарса нас всех рассмешила»⁵. После опасной болезни, едва не унесшей юного поэта в могилу, Пушкину обрили голову, и он какое-то время носил парик.

Жена эконома Кишиневской духовной семинарии Пелагея Васильевна Дыдицкая (1805 — не ранее 1882) рассказывает о своей встрече с поэтом в Кишиневе в 1822 году: «Пушкин был еще совсем молод. Был он не то что черный, а так, смуглый, загоревший. Был добрый, хороших правил, а только шалуи. Я, бывало, говорю ему: «Вы настоящее дитя!» А он

⁴ П. Борель. Поэт Кольцов у Пушкина. 1836 год.

⁵ Прощание с Пушкиным.

⁶ И. Линев. Портрет Пушкина. 1836–1837 годы.

меня называл розою в шиповнике. Бывало, говорю ему: «Вы будете ревнивы». А он: «Нет, никогда, никогда!» ...В митрополюю также часто приезжал с Инзовым⁴ на богослужение. Инзов станет впереди — возле клироса, а Пушкин сядет, чтобы Инзов не видел его. А он станет, бывало, на колена, бьет поклоны — а между тем делает гримасы знакомым дамам, улыбается или машет пальцем возле носа, как будто за что-нибудь журит или предостерегает»⁵.

Первый публикатор рассказа Дыдицкой в журнале «Исторический вестник» в 1883 году отзывался о мемуаристке с большим сочувствием и нескрываемой симпатией: «это душа честная и чистая, и каждое ее показание дышит прелестью наивной исторической правды»⁶.

Станислав Моравский (1802–1853), сын крупного польского помещика из-под Вильно, воспитанник Виленского университета, избравший медицинскую карьеру и преуспевший на этом поприще в Петербурге, впервые увидел Пушкина в мае — начале июня 1828 года:

«Я не спускал глаз с Пушкина, сидевшего прямо напротив меня. Неряшливость его костюма, взъерошенные волосы — он был чуть взъерошенный — и бакенбарды, совершенно стоптанные каблуки и задние части сапог свидетельствовали более чем о небрежности — об обнищании. ...Цвет лица Пушкина был особенный. Это объяснилось примесью в его жилах негритянской крови Аннибала, которая даже

после нескольких поколений еще продолжала загрязнять своей сажой наше славянское молоко. ... он не обладал никакими манерами... Много добродушия в обхождении. Он был низкого роста и при хождении нескладно волочил ноги, и шаг его был косолапый. Портреты его все похожи, но приукрашены»⁷.

Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (1805–1873), писатель-экономист и издатель, познакомился с Пушкиным в 1832 году:

«Пушкин был небольшого роста, сухощав, с курчавыми, весьма темно-русыми, почти черными волосами, с глазами темно-голубыми. В облике лица сохранились еще черты африканского происхождения, но в легком уже напоминании. Даже во множестве нельзя было не заметить Пушкина: по уму в глазах, по выражению лица, высказывающему какую-то решимость характера, по едва ли унимаемой природной живости, какого-то внутреннего беспокойства, по проявлению с трудом сдерживаемых страстей. Таким, по крайней мере, казался мне Пушкин в последние годы своей жизни. К этому можно еще сказать, что также нельзя было не заметить невнимания Пушкина к своему платью и его покрою, даже на больших балах. В обществе, сколько мне случалось его видеть, я всегда находил его весьма молчаливым, избегающим всякого высказывания»⁸.

Елизавета Алексеевна Драшусова (1817–1884), в первом браке баронесса Карлгоф, была плодовитым прозаиком и автором интересных мемуаров. С Пушкиным она познакомилась на званом обеде в январе 1836 года:

«...Я ждала Пушкина, и при каждом звонке колокольчика сердце начинало сильно биться, как будто мне предстояло свидание с человеком, страстно любимым. ...В продолжение обеда я была не очень разговорчива; все внимание мое было устремлено на Пушкина, который сидел против меня. Он был нехорош собой: смугловат, неправильные черты лица, но нельзя было представить себе физиономии более выразительной, более оживленной, более говорящей и слышать более приятного, более гармоничного голоса, как будто нарочно созданного для его стихов»⁹.

«Я нравлюсь юной красоте...»

В «забытых» воспоминаниях современников Пушкин предстает перед нами в разных ипостасях, например в образе увлеченного рисовальщика: «пишучи или обдумывая какое-нибудь сочинение, также и разговаривая с приятелями в небольшом кружке, он имел привычку чертить на бумаге пером или карандашом разные виды, лица, цветы и т.п.»¹⁰. Видим мы Пушкина-игрока, страстно преданного карточной игре и способного в один присест проиграть 5000 рублей (свое годовое жалова-

ние историографа): «Я предпочел бы умереть, чем не играть»¹¹. И, разумеется, у нас есть уникальная возможность наблюдать Пушкина в роли страстного любовника.

В уже упоминавшемся романе «Тысяча душ» князь Раменский рассказывает: «знал эту даму, в которую он был влюблен, — и это была прелестнейшая женщина, каких когда-либо создавал Божий мир»¹². В те давно прошедшие времена существовали иные представления о приличиях, отличные от нашего времени с его публичностью всех сфер жизни медийных фигур, не исключая сферы интимной. Герой литературного произведения даже не намекает на имя той, в кого был влюблен поэт, а заинтригованные собеседники князя не считают для себя возможным переступить нравственное табу и задать нескромный вопрос, уточняющий имя пушкинской музы.

Я ЖДАЛА ПУШКИНА, И ПРИ КАЖДОМ ЗВОНКЕ КОЛОКОЛЬЧИКА СЕРДЦЕ НАЧИНАЛО СИЛЬНО БИТЬСЯ, КАК БУДТО МНЕ ПРЕДСТОЯЛО СВИДАНИЕ С ЧЕЛОВЕКОМ СТРАСТНО ЛЮБИМЫМ...

ЕЛИЗАВЕТА ДРАШУСОВА

18 мая 1834 года Пушкин написал жене Наталье Николаевне: «Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники»¹³.

Таково было непреложное нравственное требование эпохи: не принимать публику в наперсники своей интимной жизни.

Редчайшим исключением из этого общего правила стал простодушный рассказ Анны Петровны Керн — этого «гения чистой красоты» и безусловно самой откровенной мемуаристки из числа пушкинских муз. Адресат знаменитого шедевра пушкинской любовной лирики «Я помню чудное мгновенье» со вкусом поведала о Пушкине-любовнике основателю пушкинистики Павлу Васильевичу Анненкову, и он сохранил для Истории ее рассказ. Сохранил в черновых бумагах, а не в опубликованных книгах — подчеркнем это достойное упоминание обстоятельство времени и места.

Однажды в Петербурге Пушкин и Керн оказались вдвоем в одной карете, и поэт решил в полной мере насладиться благоприятным моментом:

«Было 30 градусов мороза. Пушкин сказал: «Скажите мне — у нас есть минутка, чтобы до-

стигнуть цели». И когда та отказала, то возразил: «Правда, сейчас 30 градусов, и это время не подходит для любовных утех»¹⁴. Сказав это, Пушкин замолчал, «плотнее закутался в шубу. Так кончилась эта попытка завязать разговор и быть любезным»¹⁵. А вездесущие пушкинисты получили единственный в своем роде комментарий к откровенной пушкинской исповеди.

*А я, повеса вечно-праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведал страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний»¹⁶.*

⁷
А. С. Пушкин,
Анна Керн.

⁸
А. Скобкарёв.
«На набережной».
Литография.
Серия «Мой Пушкин».
2001 год.

Вишенкой на тorte «забытых» воспоминаний современников стали для меня записки Анны Григорьевны Хомутовой (1787–1851), в которых зафиксирован

любопытный рассказ поэта, позволяющий сделать неожиданный вывод: пушкинские стихи дали первоотчеток для развития современной промышленной рекламы.

«Ко мне приходит толстый немец и кланяясь говорит:

— У меня к вам просьба, сделайте милость, не откажите!

— Охотно исполню, если только могу.

— Позвольте мне украсить мое изделие вашими стихами.

— Много для меня чести; но что за изделие и какие стихи?

— У меня готовится превосходная вакса для сапогов, и, если позволите, на баночках я поставлю: «Светлее дня, чернее ночи»¹⁷.

¹ Письмо А. Ф. Тисчаду. Роман в четырех частях. Часть I. Глава V. СПб.: изд. Д. Е. Кожанникова, 1858. С. 280.

² Пушкин в забытых воспоминаниях современников / сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. С. В. Березиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. С. 33.

³ Там же. С. 62.

⁴ Инов Иван Никитич (1786–1845) — генерал-лейтенант, главный полочитель и председатель Комитета об иностранных посольствах южного края России, и канцлерия которого был прикомандирован высланный из Петербурга Пушкин (1720–1823).

⁵ Пушкин в забытых воспоминаниях современников. С. 85.

⁶ Там же. С. 261.

⁷ Там же. С. 213.

⁸ Там же. С. 199.

⁹ Там же. С. 224, 225.

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Там же. С. 194, 319, 325.

¹² Письмо А. Ф. Тисчаду. С. 281.

¹³ Пушкин А. С. Письма к жене. Л.: Наука, 1986. С. 57 (Литературные памятники).

¹⁴ Пушкин в забытых воспоминаниях современников. С. 102.

¹⁵ Там же. С. 279.

¹⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 19 т. Т. 2. Изд. Т. М.: Воскресенье, 1994. С. 129.

¹⁷ Пушкин в забытых воспоминаниях современников. С. 109. Неточная цитата из поэмы «Бахчисарайский фонтан».